

СЕРДЕРОВ Рамиз Мирзегасанович –

к.и.н.; директор СОШ № 10 г. Махачкалы; старший преподаватель кафедры истории Отечества исторического факультета Дагестанского государственного университета.

*367000, Россия, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Гаджиева, 43-а
ege200610@yandex.ru*

РОЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИСЛАМА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

THE ROLE OF POLITICAL ISLAM IN THE NORTH CAUCASUS

В статье предпринята попытка дать анализ и оценку некоторых аспектов, характеризующих место и значение политического ислама на Северном Кавказе. Показано, что тенденции и процессы возрождения ислама в регионе начались в период перестройки и приобрели все более широкие масштабы и темпы с распадом СССР. Обосновывается тезис, что любая религия, в т.ч. и ислам, может служить, с одной стороны, фактором консолидации и мобилизации общества и, с другой стороны, фактором, стимулирующим разного рода противоречия и конфликты. В этом контексте главное внимание концентрируется на роли ваххабизма в социальной и политической дестабилизации, росте конфликтности и терроризма в Северо-Кавказском регионе. При этом автор, выступая за объективную оценку роли ислама в целом и политического ислама в особенности, подвергает сомнению позицию некоторых исследователей, по мнению которых в постсоветский период эта вера превратилась в системообразующий фактор общественной жизни народов региона.

Ключевые слова: ислам, политический ислам, ваххабизм, Северный Кавказ, Дагестан, терроризм, конфликт

The article attempts to analyze and evaluate several aspects characterizing the place and importance of political Islam in the North Caucasus. It is shown that the trends and processes of revival of Islam in the region began in the period of rebuilding and gained an increasingly wide scale and pace with the collapse of the USSR. The thesis according to which any religion, including Islam, can serve, on the one hand, as the factor of consolidation and mobilization of society and, on the other hand, as the factor that stimulates all sorts of contradictions and conflicts, is substantiated. In this context, the main attention is focused on the role of Wahhabism in the social and political instability, the growth of conflictogenity and terrorism in the North Caucasus. The author, advocating for the objective assessment of the role of Islam as a whole and of political Islam in particular, questioned the position of some researchers, who believes that this religion has become a backbone factor of the social life of the region's population in the post-Soviet period.

Keywords: Islam, political Islam, Wahhabism, North Caucasus, Dagestan, terrorism, conflict

Ислам играл и продолжает играть ключевую роль в жизни многих народов Кавказа, в формировании их социокультурного и цивилизационного облика. В этом отношении особое значение имеет тот факт, что с вероисповедной точки зрения регион является частью так называемого мусульманского Севера, который, в свою очередь, составляет часть более обширного мусульманского мира.

Поэтому не удивительно, что после распада СССР в ряде постсоветских и национальных республик Российской Федерации ислам стал одной из существенных составляющих национализма и инструментом борьбы за власть. С этой точки зрения интерес представляет тот факт, что за последние десятилетия в

силу комплекса причин исламский мир характеризуется выдвиганием на передний план разного рода возрожденческих и фундаменталистских движений. Одним их важнейших проявлений таких движений стал так называемый политический ислам, или исламизм, для которого характерно органическое слияние внутренней и внешней политики, которая, в свою очередь, основана на идее слияния государства и религии. Его приверженцы рассматривают шариат в качестве источника власти. Они руководствуются лозунгом: «Бог – наша цель, Пророк – наш руководитель, Коран – наша конституция, джихад – наш путь, смерть во имя Бога – наше высшее стремление». Здесь ислам используется как средство достижения конкретных политических целей, определяемых

конкретными интересами политической борьбы.

С точки зрения влияния на положение дел на Северном Кавказе среди этих течений ключевое место занимает ваххабизм, который представляет собой собирательный термин для обозначения разнородных исламских группировок, придерживающихся самых разных позиций, но выступающих с той или иной степенью критики официального духовенства. В бывшем СССР о ваххабитах начали говорить в период перестройки, когда после падения «железного занавеса» на Северный Кавказ потянулись проповедники из мусульманских стран, а молодые люди из региона получили возможность обучаться в религиозных учреждениях за рубежом. Здесь было создано множество мусульманских благотворительных, просветительских, культурных и иных организаций. Располагая значительными финансовыми возможностями, они во многих уголках исламского мира создают опорные пункты пропаганды, бесплатные учебные заведения, строят теле- и радиоцентры, расширяют миссионерскую деятельность среди населения, большими тиражами выпускают религиозную литературу на доступных читателю языках, которую распространяют бесплатно, и т.д. Два важнейших канала — работа с паломниками и пропаганда принципов веры через созданные ими сети информационных центров — дают мощный импульс для расширения сферы влияния среди мусульман мира.

Постепенно часть обосновавшихся в регионе организаций и групп через созданные ими структуры открыли целую сеть подпольных полувоенных лагерей якобы для изучения основ мусульманской религии. На самом же деле в лагерях осуществлялась интенсивная идеологическая и военная подготовка молодежи для ведения подрывной работы и прямой террористической войны против официальных властей. Вскоре появились вооруженные отряды под руководством ваххабитов, а затем — и базы подготовки ваххабитских боевиков.

Особенность ислама состоит в том, что он придает сакральный характер даже вполне светским институтам и феноменам. Не случайным представляется тот факт, что возрождение ислама в условиях распада СССР совпало с мощным

подъемом национального самосознания народов. Стремительное падение доверия к коммунистической системе сопровождалось ростом интереса к исламу как к более естественной системе ценностных ориентиров. Многие в постсоветском мусульманском пространстве пытались найти опору для своего жизнеустройства, связывали свои перспективы с миром, народами и культурами, исповедующими ислам. Зачастую ислам рассматривается в качестве некоей интегральной духовной составляющей этнических культур местных народов. Более того, многие исследователи считали, что в новых условиях ислам может оказаться влиятельной интегрирующей силой, способной воссоединить охваченные им этнические группы и нации.

Разумеется, религия выполняет интегративную и регулятивную функции, играющие существенную роль в достижении и сохранении единства и целостности общества, в блокировке и нейтрализации возникающих перед ним проблем. Именно такую роль играет ислам в большинстве мусульманских стран. Можно утверждать, что в Дагестане именно ислам служил одним из немаловажных факторов, удерживавших наиболее горячие головы у той черты, переход через которую был бы чреват непредсказуемыми негативными последствиями для всех народов республики.

Вместе с тем нельзя отрицать и тот очевидный факт, что при определенных условиях религия может стимулировать противоречия и конфликты между не только приверженцами различных вероисповеданий, но и между представителями различных течений в рамках одной и той же религии. Об этом свидетельствует тот факт, что на постсоветском пространстве исламские идеи использовались в борьбе за собственность и власть между различными этническими группами, региональными кланами, политическими партиями. Более того, некоторые группировки, именовавшие себя приверженцами ваххабизма и иных форм исламского фундаментализма, превратились в фактор, серьезно дестабилизирующий социальную и политическую ситуацию на Северном Кавказе. Как отмечал К.С. Гаджиев, «распространение ваххабизма в регионе имело своим следствием провоцирование внутррелигиозной и межэтнической розни. Для религиозной

ситуации в регионе стала характерна все более четко проявляющаяся тенденция к раздроблению официальных исламских организаций, усилению их политизации, обострению внутриконтрессиональных противоречий, например, между суннитами и шиитами, фундаменталистами и модернистами, ваххабитами и тарикатистами» [Гаджиев 2011: 165].

При непосредственном участии многих из них разворачивалась внутриэлитная и межклановая борьба в Дагестане, Чечне и других национальных республиках региона. Некоторые из них не скрывали целей своих вдохновителей и спонсоров, суть которых заключается в вытеснении России с Северного Кавказа, создании на территории национальных республик единого исламского государства, его расширению за счет других российских территорий. В интервью газете «Аль-Каф» в апреле 1998 г. Хаттаб не без хвастовства говорил: «...с помощью Аллаха мы ввергнем Россию в такое же состояние, в каком находится нынешняя Чечня... мы не успокоимся до тех пор, пока на пике Кремля не взойдет черное победное знамя джихада»¹.

Располагая широкими и тесными контактами с религиозными деятелями многих государств Ближнего и Среднего Востока, руководители некоторых ваххабитских организаций внесли существенный вклад в религиозно-теоретическое обоснование чеченского конфликта. В Чечне ваххабизм получил особенно широкое распространение в период правления Дудаева, когда в Грозном был открыт ваххабитский центр, который распространял религиозную литературу, организовывал коллективные молитвы, проповедовал идеи своего учения через средства массовой информации. Под давлением наиболее радикальной части чеченского духовенства и экстремистски настроенных полевых командиров в феврале 1999 г. в Чечне было объявлено о введении полного шариатского правления. В республике была упразднена светская законодательная база, на которой формировалась вся ее исполнительная и представительная власть. В Дагестане такая же попытка была предпринята в селениях Кармахи и Чабанмахи, где фактически власть от имени народа захватили руководители обосновавшейся здесь секты

ваххабитов, которые в явочном порядке ввели шариатские нормы жизни и судопроизводства.

Нельзя отрицать тот факт, что вызов ваххабизма как формы радикального политизированного ислама лежит в немалой степени в социально-экономической и политической плоскостях. Однако, как представляется, не меньшее значение в рассматриваемом плане имеет тот факт, что после крушения коммунистической идеологии полиэтнические мусульманские общества оказались без необходимого идеологического и духовного регулятора. Образовался идеологический вакуум, особенно ощутимый в странах и регионах, где по преимуществу проживает население, придерживающееся мусульманских традиций. Этот вакуум практически сразу стал заполняться идеологией ислама. Стремительное падение доверия к коммунистической системе сопровождалось ростом интереса к исламу как к иной, более естественной системе ценностных ориентиров.

Ваххабитские проповедники активно критиковали и продолжают критиковать все негативные явления на Кавказе, умело используют в своих целях идеи братства и социальной справедливости, заложенные в исламе. Определенную часть молодежи привлекла простота, доступность идей, здоровый образ жизни, который характерен для действительно верующих членов ваххабитских общин. Часть оппозиционно настроенной молодежи привлекает идея альтернативной модели социальной организации в виде мини-общин, воплощающих идеи братства, равенства и справедливости.

Немаловажным фактором, способствующим определенному росту симпатий к носителям фундаменталистских идей и принципов, является часто практикуемый правоохранительными органами произвол и злоупотребление властью, коррупция, потакание организованной преступности и даже сращивание с нею. В этой связи не случайным представляется тот факт, что главными мишенями террористических актов на всем Северном Кавказе являются представители правоохранительных органов.

В то же время анализ реального положения в регионе с рассматриваемой точки зрения дает основание для вывода о сильном преувеличении в рассужде-

¹ *Аль-Каф*. 1998, апрель.

ниях тех авторов, которые на полном серьезе утверждают, что на Северном Кавказе ислам сохранился не только как верование, но и как форма или способ повседневной жизни, как фактор, организующий сельскую общину, и часто – как структурная составляющая политической жизни. Естественно, конфессиональная принадлежность налагает отпечаток на отношение людей к происходящим вокруг них событиям, тем более когда они становятся непосредственными участниками этих событий.

И все же не совсем корректно говорить о существовании в регионе некоего «исламского» способа или пути решения тех или иных проблем. Тем более, нет серьезных оснований говорить об архаизации общества, которая будто бы возрождает те пласты сознания, поведения, политической культуры, которые сформировались до начала модернизационных процессов. Представляется лишенным реальных оснований также тезис о переходе значительной части населения Северного Кавказа после многих лет господства советской идеологии из зоны российского культурного и политического влияния в зону ислама.

В целом, как представляется, при оценке реального места и роли ислама на Кавказе как с внутривнутриполитической, так и с геополитической точки зрения необходимо отказаться ряда бытующих у нас крайних точек зрения на эту проблему. Во-первых, нельзя рассматривать ислам как исключительно негативный фактор в жизни северокавказских народов, якобы способствующий дестабилизации и стимулированию радикалистских, сепаратистских настроений и движений в регионе. Хотя следует признать, что некоторые фундаменталистские течения ислама действительно используются отдельными радикальными и экстремистскими группировками в своих сугубо политических целях. Во-вторых, также не совсем корректно рассматривать ислам как исключительно культурно-конфессиональный, духовный феномен, не связанный с политикой и ориентированный исключительно на мир, благосостояние и стабильность в обществе.

Следует учесть тот отмечаемый многими специалистами факт, что так называемый народный ислам на Кавказе в действительности представляет собой

довольно аморфный сплав общемусульманских духовных ценностей с местными языческим верованиями и культурами, или же, проще говоря, он замешан на принципах и установках адата. Как отмечает Н.М. Емельянова, «доисламские верования оказывали и продолжают оказывать значительное влияние на образ жизни кабардинцев, под их влиянием кабардинский ислам принял своеобразную, отличную от существующих в других северокавказских регионах форму» [Емельянова 1999: 5].

Эти и другие факты свидетельствуют о сложности и неоднозначности статуса, роли и значения ислама для судеб народов Северного Кавказа. Ислам в регионе отнюдь не монолитен. Можно говорить о так называемых локальных формах ислама, которые могут приобретать достаточно выраженную национальную окраску, что органично накладывает на болезненное ощущение территориальной этнопринадлежности. При этом важно учесть, что религия не всегда и не обязательно является основополагающим фактором осознания этнической принадлежности. Более того, зачастую она дает богатый материал для создания и закрепления в сознании людей образа врага. В этом плане ислам может быть использован и действительно используется как один из важных элементов национализма, как инструмент борьбы за власть. Об этом свидетельствует тот факт, что некоторыми национальными движениями ислам используется или его пытаются использовать как объединительную формулу при определении собственного пути развития.

Следует отметить и то, что нередко случается, когда конфликты возникают между этносами, исповедующими одну и ту же религию. Это проявляется, в частности, в том факте, что так называемый официальный ислам с самого начала оказался расколотым по национальному признаку и разобщенным по «национальным квартирам» и потому, по сути дела, втянутым в межэтнические противоречия и конфликты. Показательно, что в настоящее время в Южном федеральном округе действуют 11 духовных управлений мусульман (ДУМ). Мусульманские организации региона координируются 3 центрами, большинство из которых входят в Координационный центр мусуль-

ман Северного Кавказа (КЦМСК), а также в Духовное управление мусульман Европейской части России (ДУМЕР, г. Москва, муфтий – Р. Гайнутдин) и Центрального духовного управления мусульман России (ЦДУМ, г. Уфа, верховный муфтий – Т. Таджуддин) [Ханбабаев 2005]. Причем расколы по национальному признаку имеют место не только между республиками, но и в пределах отдельных республик. Речь идет, например, о Дагестане, где Духовное управление мусульман Дагестана разделилось на ряд национальных общин.

Как представляется, постсоветский мусульманский Север при всех возможных здесь оговорках в целом не принял политический ислам в его фундаменталистской версии в качестве системообразующей идеолого-политической конструкции. В силу известных причин нельзя отрицать сам факт возрождения интереса к религии и вере за последние полтора-два десятилетия по всей России и на постсоветском пространстве. В национальных республиках и регионах компактного проживания населения мусульманского вероисповедания заметно возросло число мулл, книжные магазины, киоски, лотки завалены литературой религиозного содержания, на улицах городов и сел мусульманских республик заметно прибавилось людей в религиозных одеяниях, возросло число людей, стремящихся совершить хадж в святые места. Но эту реальность нельзя рассматривать как уже определившуюся тенденцию к переустройству образа и уклада жизни на нормах ислама, а сам ислам – как системообразующий фактор с точки зрения формирования как госу-

дарственности, так и политической стратегии.

Особое значение имеет разобщенность движения, которое расколото на многочисленные противоборствующие группировки, не способные договориться между собой о каких-либо совместных действиях. Тем более неправомерно экстраполировать ситуацию с исламским фундаментализмом в Иране или влиянием ислама на политическую жизнь таких мусульманских стран, как Судан, Алжир, Саудовская Аравия и др., на мусульманские республики бывшего СССР.

Анализ реального положения вещей показывает, что во многих случаях возрождение интереса к традиционному исламу, а также к ваххабизму и другим формам исламского фундаментализма носит формальный, атрибутивный характер. Религиозный фундаментализм нередко служит суррогатом идеологии и мифологии этнонациональной, культурной, конфессиональной или иной самоидентификации. Апелляция некоторых оппозиционных, да и не только, организаций к исламским ценностям обусловлена, помимо всего прочего, стремлением привлечь к себе внимание общественного мнения, а также финансовых фондов и структур мусульманских стран. Нередко исламская риторика служит для маскировки сугубо властных вождельных тех или иных претендентов на места во властных структурах. При этом нельзя не отметить, что наблюдавшаяся на первых этапах эйфория относительно повального возвращения людей к религии постепенно меняется на трезвую оценку секулярной реальности современного мира.

Литература

Гаджиев К.С. 2011. *Этнонациональная и геополитическая идентичность Кавказа*. Saarbrücken. Lambert Academic Publishing, 531 с.

Емельянова Н.М. 1999. *Мусульмане Кабарды*. М.: Граница, 140 с.

Ханбабаев К. 2005. Ислам и проблемы национальной безопасности в Южном федеральном округе. – *Республиканское информационное агентство «Дагестан»*. 05.09.